

Вместо предисловия

Существуют две могилы Шаляпина — одна в Париже, на кладбище Батиньоль, другая в Москве, на Новодевичьем. По правде говоря, белый мраморный памятник работы скульптора А. Елецкого не предназначался для надгробия и попал в отечественный некрополь по воле случая, впрочем весьма закономерного, если вспомнить судьбу Федора Ивановича Шаляпина.

Так уж вышло, что и при жизни, и после смерти великого артиста его биографию многократно переписывали — в зависимости от злобы дня. Перезахоронение праха Шаляпина на родине осуществлялось конечно же как «восстановление исторической справедливости» и было по-своему смелым поступком. На дворе — 1984 год, артист еще не прощен, не реабилитирован. Эмиграция — тяжкий грех и одновременно «трагедия художника, не принявшего революцию». Официальному разрешению на перезахоронение праха предшествовала долгая борьба, которую возглавил писатель Юлиан Семенов. Его связи с органами и, в частности, с Ю. В. Андроповым решили дело. Хоронили прах великого артиста в 1984 году «полуофициально», провести церемонию доверили Большому театру и Союзу композиторов. Из Италии и Англии приехали дети певца — Федор, Марфа, Марина.

В конце 80-х конъюнктура в стране резко изменилась... Все то, за что костили Шаляпина долгие годы — эмиграция, «крамольная» книга «Маска и душа», — в новой ситуации создавало ему ореол жертвы большевиков, хотя еще при коммунистическом режиме Совмин РСФСР успел отменить «как необоснованное» постановление Совнаркома 1927 года о лишении певца звания народного артиста.

И звания, и советского гражданства Шаляпин был лишен после того, как пожертвовал голодным детям русских

безработных, живших во Франции, пять тысяч франков. На родине этот благородный поступок квалифицировали как финансовую поддержку белоэмиграции.

Одновременно с развернувшейся в советской печати травлей певца активизировалась кампания по возвращению «блудного сына» на родину. Федору Ивановичу сулили торжественную встречу, «златые горы», виллу в Крыму... Артист не поверил щедрым обещаниям и вернуться не пожелал...

...Федор Иванович завещал похоронить себя на кладбище Батиньоль. Весь мир скорбел о кончине великого артиста. Гроб с телом Шаляпина еще стоял под образами в его парижской квартире, когда в московских «Известиях» (14 апреля 1938 года) появилась заметка:

«Телеграф принес известие о смерти в Париже Федора Шаляпина.

Шаляпин, пройдя в свое время большой творческий путь, создал ряд образов, вошедших в историю русского оперного театра.

Однако в расцвете сил и таланта Шаляпин изменил своему народу, променял родину на длинный рубль. Оторвавшись от родной почвы, от страны, взрастившей его, Шаляпин за время пребывания за границей не создал ни одной новой роли. Все его выступления за рубежом носили случайный характер. Громадный талант Шаляпина иссяк уже давно.

Ушел он из жизни, не оставив после себя ничего, не передав никому методов своей работы, большого опыта. Литературное наследство Шаляпина не представляет ничего интересного для искусства. Это хронологическое изложение различных эпизодов, поражающее своим идейным убожеством».

...Часто в концертах Шаляпин с успехом исполнял арию Дона Базилио о клевете. Что такое клевета, певец знал не понаслышке. И до революции феноменальную популярность и славу Федора Ивановича Шаляпина использовали все кому не лень: репортеры и карикатуристы, кондитеры и парфюмеры, радикалы и либералы, «левые» и «правые». Не раз Шаляпину приходилось оправдываться, отменять всяческие небылицы... Эта книга — попытка сказать о нем правду.

Часть 1

САМОРОДОК

Глава 1

«КАК ВО ГОРОДЕ ТО БЫЛО ВО КАЗАНИ...»

В вестибюле казанской гостиницы «Франция» на черной доске мелом писали имена постояльцев. В конце августа 1912 года в списке гостей появилась фамилия — Шаяпин. Знаменитый бас приехал на родину — не гастролить, а «приватно». «Шаяпин решил дополнить свои мемуары более обширными воспоминаниями о своих детских и юношеских годах, и с этой целью он посетит все места, связанные с его детством, — сообщала газета «Казань». — Кроме того, Ф. И. Шаяпин специально везет из Петербурга фотографа, который будет производить снимки. Этими снимками будут иллюстрированы мемуары».

Федора Ивановича в поездках обычно сопровождал слуга-китаец с длинной косой. Имя ему было присвоено русское — Василий. Фотограф же

отыскался на месте — Г. Сотников, работавший под началом казанского аптекаря Эмилия Грахе. Владелец аптеки приходился родней Марии Валентиновне Петцольд, второй жене Шаляпина, которая, к слову сказать, была, как и Федор Иванович, родом из Казани.

Сотников сделал около пятидесяти снимков, запечатлев Казань времен детства великого артиста. За минувшие сорок лет город мало изменился. На одной из фотографий — облезлый дом с отбитой штукатуркой. Рядом с высоким, элегантным Федором Ивановичем седобородый портной П. И. Глузман. Когда-то он спасал маленького Федю от жестоких побоев. При встрече Глузман, разумеется, не узнал Шаляпина.

— Здравствуйте, господин! Что вам угодно? Что пошить?

— А где же сапожник?

— Помер года три назад.

— А помните его ученика Федьку?

— Федька? Был, был такой.

— А не знаете, куда он девался?

— Таки пропал. Правда, говорят, что знаменитый Шаляпин и есть тот самый Федька, только мне не верится...

Много воспоминаний было связано у Шаляпина с Суконной слободой. Узнав дом, в котором жил когда-то с родителями, он вдруг захотел его приобрести. Это оказалось невозможным: дом недавно был продан новому хозяину. (Впрочем, что стал бы делать Шаляпин с этим домом, представить трудно: скорее всего, желание стать «казанским домовладельцем» было лишь настроением момента...)

В Шестом начальном училище Шаляпин фотографировался с учениками. На фото — несколько десятков наголо стриженных мальчишек. Узнав о при-

езде артиста, пришел в училище старый звонарь Лукич, с ним Федор пел в Духосошественской церкви. Вместе со своим учителем Н. В. Башмаковым и Лукичом Федор Иванович на три голоса спел «Да исправится молитва моя» и «Покаяние отверзи ми двери»...

Несколько дней спустя после приезда артиста в Казань в той же гостинице «Франция» остановился приятель Федора Ивановича литератор Степан Гаврилович Скиталец. Шаляпин собирался куда-то идти:

— Вот, завернул в Казань взглянуть на родной город, хожу здесь, отыскиваю те места, где когда-то жил... Пойдем вместе прогуляемся...

Приятели вошли во двор древнего живописного монастыря. Кладбище... Полутемная церковь, служба, молящиеся прихожане...

— Зайдем в общежитие, — сказал Шаляпин. — Там есть комната, в которой я жил.

В мрачноватом здании с длинным полутемным коридором пахло щами и помоями. Из засаленных дверей торчала рваная обивка. В конце коридора Шаляпин остановился.

— Вот! В этой комнате!

Мимо них проходил чернобородый молодой монах.

— Можно нам войти сюда? — спросил Шаляпин. — Нам только посмотреть...

— Можно, можно, — отвечал монах, оглядывая незнакомых гостей.

«Мы вошли в ужасную, полутемную, сырую комнату, в которой, по-видимому, теперь никто не жил, — вспоминал Скиталец. — Стекла единственного окна, кажется, никогда не мылись. Голая койка, некрашенный грязный стол и какая-то рухлядь на полу.

Шаляпин опять долго стоял молча, о чем-то думая. Казалось, он ожидал, как и у сапожной мастерской, встретить то хорошее, что — он помнил — было здесь когда-то!

Или вспомнил он юного монастырского служку с пылкой головой, обуреваемой несбыточными мечтами, которому было хорошо здесь?.. И отчего было хорошо?.. Не от пламенной ли юной фантазии, не замечавшей окружающего убожества и уносившейся в сказочное царство?

Отчего же теперь тут так голо, неприглядно и холодно, словно навсегда ушло отсюда то, что как будто оставил здесь юный мечтатель?

Я не мешал Шаляпину думать и молчал все время, пока мы возвращались к нему в гостиницу.

Войдя, он, не снимая пальто и шляпы, сел на стул, стоящий посреди комнаты, и, облокотившись на трость, незаметно для самого себя запел тем тихим, за душу хватающим фальцетом, каким умел петь только Шаляпин:

Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?..»

...Что же побудило знаменитого певца, разрываемого на части заграничными контрактами, выступлениями в Москве и в Петербурге, устремиться в Казань? «Великий артист», «несравненный художник», «царь басов» — одна из самых популярных фигур 1900—1910-х годов. Портреты Шаляпина выставлены в витринах магазинов, фотоателье, тиражируются в открытках, красуются на обертках шоколадных конфет, его именем названы папиросы и одеколоны. Приятель Шаляпина, известный критик и драматург Ю. Д. Беляев, как-то заметил: «Я боязливо смотрю в ту сторону, где Шаляпин не сам он, а,

скажем, здание его таланта, его репутация, подобная Ивану Великому, блеск его золотой шапки, колокола его славы».

Эта тревога имела основания. Между реальной жизнью певца и его репутацией, создаваемой молвой, сплетнями и пересудами, — «дистанции огромного размера». Газетные слухи не раз вынуждали артиста браться за перо, опровергать сенсации и сплетни, оправдываться, объяснять свои поступки, высказывания, уточнять факты биографии. И, надеясь если не покончить с нелепыми домыслами, то по крайней мере внести долю истины в представления публики о себе, Шаляпин решает издать мемуары.. С этой мыслью он и наведалься в Казань. Певец хотел освежить в памяти атмосферу и события детства и отрочества, встретиться с людьми, некогда знавшими его, сфотографироваться с ними и потом описать свою жизнь такой, какой она виделась ему самому или уж во всяком случае такой, какой он хотел представить ее читающей публике.

И. А. Бунин писал о Шаляпине: «...любил он подчеркивать свои силы, свою удачу, свою русскость, равно как и то, «из какой грязи попал в князи». Раз он показал мне карточку своего отца:

— Вот посмотри, какой был у меня родитель. Драл меня нещадно!

На карточке был весьма благопристойный человек лет пятидесяти, в крахмальной рубашке с отложным воротничком и с черным галстучком, в енотовой шубе, и я усомнился: точно ли драл? Почему это все так называемые «самородки» непременно были «нещадно драны» в детстве, в отрочестве? «Горький, Шаляпин поднялись со дна моря народного»... Точно ли «со дна»? Родитель, служивший в уездной земской управе, ходивший в енотовой

шубе, в крахмальной рубашке, не Бог весть какое дно».

Карточка, о которой упоминает Бунин, сделана в Вятке за несколько лет до смерти Ивана Яковлевича Шаляпина. Ее можно видеть в московском Доме-музее Ф. И. Шаляпина на Новинском бульваре. На обратной стороне фотографии дочь певца написала: «Шуба была подарена отцу Федором Ивановичем». Ни галстука, ни крахмальной рубашки на снимке мы не увидим. Отец любил рубашки мягкие, с отложным воротничком, вместо галстука носил ленточку или шнурок и этой привычке не изменял. Умер Иван Яковлевич в 1901 году неподалеку от Вятки, в маленькой больнице, находившейся в восьми верстах от деревни Сырцово (ее еще называли Шаляпинки). Он был родом отсюда, до восемнадцати лет крестьянствовал, потом подался в город, служил дворником, водовозом, к двадцати годам выучился грамоте.

Женившись на девушке из соседней деревни Лагуновской, Евдокии Прозоровой, Иван Яковлевич обосновался с молодой женой в Казани, поселился на Рыбнорядской улице, в доме Лисицына. В метрической книге казанской Богоявленской церкви записано: «1-го февраля 1873 года у крестьянина Вятской губернии Ивана Яковлева *Шаляпкина* (курсив наш. — *Авт.*) и его законной жены Евдокии Михайловой родился сын Федор». На другой день, 2 февраля, младенца крестили «крестьянин Владимирской губернии Николай Алексеев Тонков и казанского мещанина Родиона Петрова Шишкова дочь девица Людмила Родионова». Ошибка в метрической книге сделана то ли по небрежности, то ли потому, что крестный отец был мало знаком с семьей крестника.

Дочь певца Ирина в 1953 году встречалась с престарелой хозяйкой дома на Рыбнорядской. Та поведала собеседнице: матери Федора пришлось побегать по соседям, уговаривая их окрестить ребенка. Федор был крещен на следующий день после рождения. Видимо, отец и мать так торопились с крестинами потому, что старший брат Федора Василий умер во младенчестве. К тому же день крестин пришелся на Сретенье, и соседи, вероятно, не хотели отвлекаться от гулянья ради малознакомых людей.

Шаляпины переехали в Казань незадолго до рождения Федора. Крестная мать — Людмила Родионова Харитонова (Шишкова) в преклонные годы жила в московском доме артиста на Новинском бульваре. Она и рассказала Ирине Федоровне, как мать-портниха велела ей, тринадцатилетней девочке, крестить младенца: «Когда положили мне на руки ребенка, я, боясь его уронить, заплакала на всю церковь, закричал и младенец. Так до конца крестин мы с ним и голосили...»

В семье соседа сапожника Николая Алексеевича Тонкова в эту пору также случилось прибавление семейства. Крестный отец Федора Тонков в той же Богоявленской церкви окрестил и свою дочь Александру. (Потому, наверное, и дал согласие стать крестным отцом Феди — заодно.) Впоследствии Шаляпины и Тонковы дружили домами. К Николаю Алексеевичу в ученье отдали Федора, когда он подрос.

Скорее всего, став знаменитостью, Шаляпин забыл о своем крестном, но в 1904 году неожиданно получил от него письмо:

«Любезный сын Федор Иванович!

Большой промежуток времени прошел с тех пор, как я Вас видел в последний раз, и в это время я успел настолько состариться, что чуть хожу и плохо

вижу, а потому не могу работать по своему ремеслу сапожника.

И до моего слуха дошло, что Вы в настоящее время стоите настолько высоко, что я в Вашу бытность в Казани два раза пытался видеть Вас, но меня как дряхлого старика приняли за нищего в моих лохмотьях, а потому попросили убираться подальше восвояси. Вот как, сынок!

Услышал я также и о том, что Вы много делаете добра... а потому и решился написать Вам, пожалуйста меня и мою старуху, пришлите нам сколько-нибудь денег, чем премного обяжете и заставите вечно молить о Вас пред Всемогушим Богом.

Живу я в том же доме Лисицына, ныне Богаутдиновой, на Рыбнорядской улице, где Вы родились и воспитывались...

Остаюсь Ваш крестный отец

Николай Алексеев Тонков.

С этого времени Шаляпин считал своим долгом помогать семье крестного.

Вскоре после рождения Федора отец пошел служить писарем в Казанскую уездную земскую управу. Заработки отца начались с пятнадцати рублей и постепенно увеличились до тридцати пяти. Получал он и ежегодные денежные награждения, но они не влияли на благополучие семьи. Тому виной был тяжелый, неуживчивый характер Ивана Яковлевича, усугубленный беспробудным пьянством. «Отец мой был странный человек... Трезвый он был молчалив, говорил только самое необходимое и всегда очень тихо, почти шепотом... Я не помню, чтобы он в трезвом состоянии сказал грубое слово. Если его что-либо раздражало, то скрежетал зубами и уходил, но все свои раздражения он скрывал лишь до поры, пока

не напивался пьян, а для этого ему стоило выпить только две-три рюмки. И тогда я видел перед собой другого человека... Пьяный, отец приставал положительно к каждому встречному... Бывало, какой-нибудь прилично одетый господин, предупредительно наклонив голову, слушает отца с любезной улыбкой, со вниманием спрашивает:

— Что вам угодно?

А отец вдруг говорит ему:

— Желаю знать, отчего у вас такие свинячьи глаза?»

Во хмелю Иван Яковлевич бил жену, доставалось и детям. Евдокия Михайловна боялась перечить мужу, кротко сносила побои и брань. Не сохранилось ни одной фотографии матери артиста. Только в «Страницах из моей жизни» Шаляпин дает словесный портрет: «А внешне мать была женщиной, каких тысячи у нас на Руси: небольшого роста, с мягким лицом, сероглазая, с русыми волосами, всегда гладко причесанными, — и такая скромная, малозаметная... Есть у нас на Руси какие-то особенные женщины: они всю жизнь неумоимо борются с нуждою, без надежды на победу, без жалоб, с мужеством великомучениц перенося удары судьбы».

Лучшие воспоминания о детстве связаны у певца с деревней Ометьево, где Шаляпины снимали домик у мельника Тихона Карповича Григорьева и его жены Марии Кирилловны. В эту пору у Евдокии Михайловны было трое ребятишек мал мала меньше. Старшему Федору пять лет. Запомнились длинные вечера: мать с соседками пряли при свете лучины, рассказывали друг другу страшные истории. За работой женщины часто пели. «Певал я часто с матушкой моей, она была очень милой домашней песельницей. Голос был простой, деревенский, но прият-

ный. И мы часто голосили с ней разные русские песни, подлаживая голоса».

У отца был красивый, бархатный бас. Он с чувством пел «Как по матушке по Волге». Песни, которые Федор слышал в детстве, войдут впоследствии в его концертный репертуар. Предваряя исполнение песни «Эх ты, Ванька», Шаляпин напоминал: «Записано со слов моей матушки».

В Ометьеве Федор слышал хороводные, обрядовые песни «зеленых святок» — на Семик, когда девушки в сарафанах и алых лентах, юноши в ярких рубахах кружились в хороводах. «Поступь, наряды, праздничные лица людей — все рисовало какую-то другую жизнь, красивую и важную, без драк, ссор и пьянства».

Из Ометьева семья возвратилась в Казань, сперва в дом на Рыбнорядской улице, где некогда родился Федор, затем перебрались в Собачий переулок и наконец в Татарскую слободу. Внизу, в подвале, звенели кузнечные молотки, рядом во дворе каретники обивали экипажи свежевыкрашенной кожей и цветным сафьяном, мастера прилаживали колеса, чинили хомуты и конскую упряжь. И сквозь этот шум, звон, гвалт вдруг прорывалась песня, которую запевал, выйдя во двор, молодой кузнец. «Когда кузнец запевал песню, мать моя, сидя за работой у окна, подтягивала ему, и мне страшно нравилось, что два голоса поют так складно. Я старался примкнуть к ним и тоже осторожно подпевал, боясь спутать песню, но кузнец поощрял меня...»

Как-то зимой, до устали накатавшись на деревянном коньке, Федор забежал погреться в церковь и там впервые услышал хор. Среди певчих на клиросе были и мальчишки-ровесники с нотами в руках...

Позднее, когда семья Шаляпиных поселилась в казанской Суконной слободе, Федя вновь услышал церковное пение во дворе. Оказалось — выше этажом проводит спевку проживающий там регент Иван Осипович Щербинин. Федор попросился в хор, довольно быстро освоил азы нотной грамоты и вскоре стал петь в Духосошественской церкви. Щербинин назначил ему первое в жизни жалованье — полтора рубля в месяц.

Федор делал несомненные успехи. Регент брал его с собой в разные церкви, на молебны, свадьбы, похороны, а спустя некоторое время взял в архиерейский хор Спасского монастыря.

Отец не считал пение стоящим занятием и потому отдал сына в ученье к сапожнику Николаю Алексеевичу Тонкову. Подростку нравилось у крестного. В мастерской на полках в стеклянном шкафу были аккуратно разложены сапожные колодки, свежеспавшая кожа. Жена Тонкова, тихая и добрая женщина, угощала Федора орехами и мятными пряниками. «Голос у нее был ласковый, мягкий и странно сливался для меня с запахами пряников; она говорит, а я смотрю в рот ей, и кажется, что она не словами говорит, а душистыми пряниками...»

В ту пору в Казани свирепствовала скарлатина. Все трое детей Шаляпиных слегли. Болезнь унесла брата Николая и младшую сестру Евдокию. Федор остался в живых.

Попытки научить сына полезному ремеслу успеха не имели. Как сказочный колобок, Федор убегал и от жестокого сапожника Андреева, и от токаря. В конце концов Иван Яковлевич отдал сына в Шестое начальное училище. Здесь наставником его стал Николай Васильевич Башмаков, любитель-скрипач и знаток хорового пения.

Федор мог слушать игру учителя без конца. В светлую минуту он даже убедил родителя купить на толчке за два рубля скрипку и с жаром приступил к освоению скрипичной игры, однако скоро был остановлен отцом:

— Ну, скважина, если это будет долго, так я тебя скрипкой по башке! — предупредил тот.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ «ОЖОГИ»

Первые театральные впечатления Федор пережил в рождественском балагане, на Николаевской площади. На масленицу, Пасху и святки пыльная площадь оживала, появлялись качели и карусели, лотки с воздушными шарами и глиняными свистульками. Надрывались шарманки, горланил Петрушка...

Федору было лет восемь, когда он увидел известного в волжских городах балаганного деда Якова Мамонова. Его «выходы» ярко запечатлелись в душе подростка. Одетый в домотканый армяк и лапти, Яков веселыми прибаутками зазывал публику в балаган, импровизируя красочные сценки из быта мастеровых, солдатского и городского люда. «Эх вы, сестрички, собирайте тряпички, и вы, пустые головы, пожалуйста сюда! Эй, золовушка, пустая голова, иди к нам, гостинца дам! Прочь, назем, губернатора везем!» — кричал он, держа в руках истрепанную куклу.

Подросток часами неотрывно наблюдал необычное зрелище. «Может быть, именно этому человеку, отдавшему себя на забаву толпы, я обязан рано проснувшимся во мне интересом к театру, «к представлению», так не похожему на действительность... Под влиянием Яшки в меня настойчиво вселилась мысль:

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru